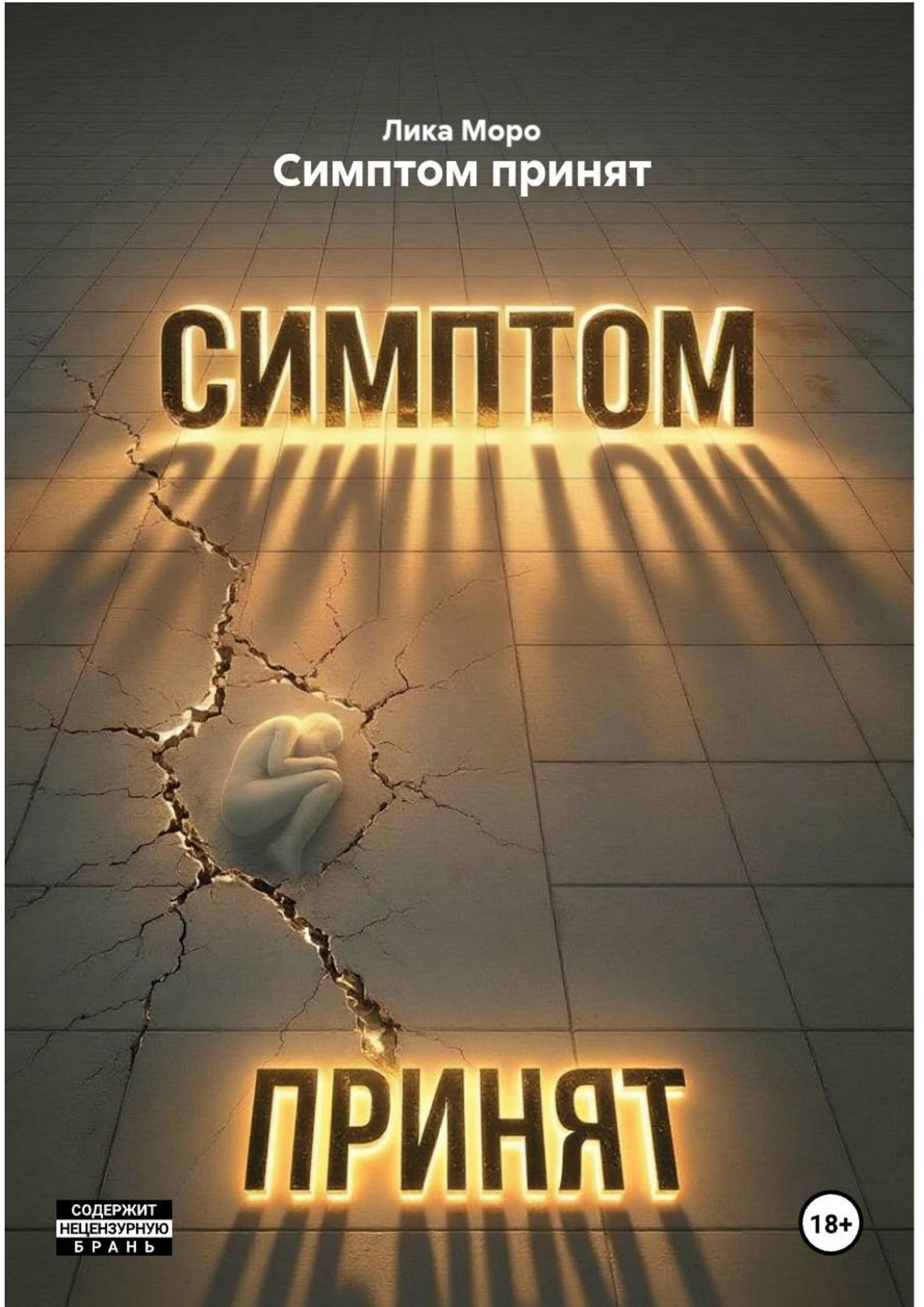
Лика Моро

Симптом принят



Лика Моро

Симптом принят

«Автор»
2026

Моро Л.

Симптом принят / Л. Моро — «Автор», 2026

В мире «Нормы» нет места боли. Здесь не плачут, не злятся и не сомневаются — здесь просто функционируют. Всё, что выходит за рамки ровного пульса, отправляют за Стену, в Застенье, на «санацию». Ной — это Сомнение, воплощенное в хрупком теле. Он тонет в бесконечных «а что, если?», видя катастрофу в каждом вдохе. По ту сторону Стены он находит тех, кто когда-то был людьми, пока их эмоции не стали диагнозом. Марк — неконтролируемый Гнев, разбивающий кулаки о бетон, чтобы не сгореть заживо. Лев — ходячая Паническая Атака, для которого открытая дверь страшнее расстрела.Когда Ной находит в архиве отца документ о полной ликвидации Застенья через три недели, он понимает страшное: их не лечат. Их просто стирают. Чтобы выжить, им не нужно исцеление. Им нужно принятие.

© Моро Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог « Так надо» 5
Глава 1 Чердак 8
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Лика Моро
Симптом принят

Пролог « Так надо»

В кабинете пахло бумагой и чем-то ещё — старым, забытым, как будто здесь хранили не документы, а время, которое никто не хотел замечать.

Ной сидел на полу. Стул был завален серыми папками, и он не стал их убирать. Ему было двенадцать. Он умел ждать — не потому что был терпеливым, а потому что дома его ждали молча. Здесь, в кабинете отца, хотя бы пахло бумагой и кем-то ещё.

За окном шёл дождь. Мелкий, ровный, без грома. Он стучал по стеклу так тихо, что казалось — это не звук, а привычка. В кабинете было тепло, но как-то пусто. Так бывает в комнатах, где давно никто не разговаривал. Ной слышал, как тикают часы на стене. Как шелестит бумага под сквозняком. Как где-то далеко, в конце коридора, кто-то закрыл дверь. И всё.

Он рассматривал полки. Папки стояли плотно, корешок к корешку, серые, одинаковые, как солдаты. Ной знал, что если провести по ним рукой, на пальцах останется пыль. Он провёл. Пыль осталась.

Одна папка выбивалась. Не цветом — они все были серые. Не размером. Просто стояла чуть криво, будто её поставили второпях. Или будто её часто доставали. Ной поднялся с пола. Протянул руку. Папка была тонкой. Внутри — всего несколько конвертов. Может, пять. Может, шесть. Но каждый был нераспечатан. На верхнем — пятно от чашки. Кто-то держал его в руках. Кто-то пил чай и читал эти письма.

Ной открыл верхний конверт. Внутри — две строчки, написанные от руки, мелко и неровно, как будто человек торопился или боялся не успеть:

«Мне очень тяжело. Я не хочу умирать, но и жить так не могу».

Ной прочитал. Потом ещё раз. Дождь за окном всё стучал. Часы тикали. Пыль на пальцах была серой, и почему-то от неё стало холодно.

Дверь открылась без стука. Отец вошёл быстро, как всегда, — в пальто, с мокрыми волосами, с папкой под мышкой. Он не сразу заметил Ноя. Сначала повесил пальто, потом поставил чайник, потом посмотрел на сына.

— Ты чего здесь?

— Жду тебя.

Отец вздохнул. Не раздражённо. Просто устало.

— Я же говорил: не сиди в кабинете. Здесь документы.

— Я ничего не трогал.

Это была ложь. Папка лежала у него на коленях. Отец посмотрел на неё. Потом на Ноя. Потом снова на папку.

— Положи на место.

Ной не двинулся.

— Пап, а почему мы им не отвечаем?

Отец замер. На секунду — только на секунду — его лицо изменилось. Как будто внутри что-то треснуло. Потом снова стало ровным.

— Кому не отвечаем? — сказал он спокойно. Так спокойно, что Ною стало не по себе.

— Тем, кто написал. — Ной открыл папку. — Здесь пять писем. Или шесть... Они просят о помощи! Почему мы не отвечаем?

Отец подошёл. Забрал папку. Не резко — аккуратно, как берут что-то хрупкое. Закрыл её. Поставил на полку. На то же место. Криво.

— Потому что так надо.

— Почему?

— Потому что так безопаснее.

— Для кого?

Отец молчал. Дождь стучал по стеклу. Часы размеренно тикали. В кабинете было сумрачно, но настольная лампа бросала на пол жёлтый круг. В нём кружилась пыль — золотая, тёплая, единственная тёплая вещь в этой комнате. Ной смотрел на неё, чтобы не смотреть на отца.

— Для всех, — сказал отец наконец. — Для них. Для нас. Для тебя.

— Но они просят о помощи!

— Я знаю.

— И мы им не отвечаем.

— Мы не можем.

— Почему?

Отец посмотрел на него. Долго. Так, как смотрят на человека, которого любят, но которому не могут объяснить что-то важное.

— Потому что если мы ответим, — сказал он тихо, — придётся признать, что они существуют.

Ной не понял. Тогда — не понял. Но что-то в нём уже тогда сдвинулось. Как будто внутри открылась дверь, которую никто не собирался открывать. И за ней было холодно.

— Положи папку на место, — попросил отец.

Ной положил. Аккуратно. Корешок к корешку. Но папка всё равно стояла чуть криво. Как будто её уже никто не поправит.

Отец допил чай. Поставил чашку в раковину. Не помыл.

— Собирайся. Поехали.

Ной встал с пола. Колени уже затекли, стали покалывать ноги. Надел куртку. Отец уже стоял у двери, с ключами в руке, и не смотрел на него.

В коридоре мигала лампа — одна давно перегорела, и никто не менял, вся покрылась пылью. Шаги гулко отдавались в тишине узкого коридора.

На улице дождь стал чаще. Отец раскрыл черный зонт, с одной сломанной спицей. Зонта казалось хватало на двоих, но каждый мокнет по отдельности.

В машине пахло пылью и старым ковриком. Отец завёл двигатель. Дворники заскрипели по стеклу. Раз. Другой.

Кабинет остался позади. Окно на втором этаже ещё горело — жёлтым. Кто-то забыл выключить лампу. Или не забыл Просто... оставил? Ной не знал.

Они ехали молча. На перекрёстке загорелся красный. Отец остановился. Долго смотрел на мигающий светофор. Потом сказал, не поворачивая головы:

— Ты не должен был это читать.

Ной промолчал.

— Это не твоё дело. - продолжил отец.

Ной смотрел на дворники. Раз. Другой.

— Я просто спросил, — сказал он.

— Я знаю. — Отец вздохнул. — Поэтому и говорю.

Красный сменился зелёным. Машина тронулась. Дождь шумно стучал по крыше. Ровно. Как часы с кукушкой у них дома.

...

Дома встретил тишиной. Такой тишиной, что Ной услышал, как капает вода из крана — ровно, размеренно, как часы на стене.

Мама сидела на кухне молчаливой тенью. Смотрела в окно. Перед ней стояли две чашки: одна пустая, другая — с давно остывшим чаем, на поверхности которого застыла тонкая плёнка. Она не обернулась, когда они вошли.

— Вы долго, — сказала она безразлично.

— Пробки, — ответил отец таким же тоном.

Он снял сырое пальто, повесил на крючок. Прошёл мимо неё. Поставил чайник. Открыл шкафчик. Закрыл. Открыл снова. Достал сахар. Всё это — молча, размеренно, как будто выполнял инструкцию из книги.

Ной стоял в дверях. Не снимал куртку. Смотрел на две чашки. Одна пустая. Другая — нет. Кто-то сидел здесь. Ждал. Не дождался.

— Мам, а что будет с теми, кто написал письма?

Мама обернулась. Медленно. Как будто это стоило ей усилий. Посмотрела на Ноя. Потом на отца. Потом снова на Ноя.

— Какие письма? - в вопросе не было явного интереса.

Ной подошел ближе к столу и присел, давай телу почувствовать тепло дома, руки замезли.

— В папином кабинете. Там папка. В ней лежали письма. Люди просят о помощи. А мы им не отвечаем, почему?

Мама молчала. Долго. Вода из крана всё капала. Часы в коридоре тикали. Отец стоял у шкафчика и не двигался.

Потом мама встала. Взяла чашки. Поставила в раковину. Включила воду. Струя зашумела, заглушая всё остальное.

— Не лезь не в своё дело, — сказала она тихо. Не зло. Устало. Так, как говорят вещь, которую повторяли много раз.

Ной не двинулся.

— Но они просят о помощи.

Мама выключила воду. Повернулась. Её лицо было спокойным. Слишком спокойным. Как у человека, который давно научился не показывать, что чувствует.

— Ной. — Она вытерла руки полотенцем. — Есть вещи, которые не нужно знать. Так проще. Для всех.

— Для них тоже?

Мама не ответила. Просто смотрела на него. И в этом взгляде было что-то, чего Ной не понял тогда. Что-то похожее на страх. Или на вину. Или на то и другое вместе.

Она отвернулась. Повесила полотенце на место. Ровно. Как солдат.

— Иди спать, — сказала она. — Завтра в школу.

Ной не пошёл спать. Он стоял в дверях кухни и смотрел, как мама вытирает стол. Как отец молча пьёт чай. Как две чашки сохнут на полке — одна пустая, другая с остывшим чаем, который никто не выпил.

Он не знал, что делать. Но он знал, что не забудет.

Глава 1 Чердак

Пыль на чердаке висела в воздухе серой ватой. Ной давно привык к ней - она оседала на волосах, на воротнике свитера, пачкала потрёпанные рукава и неприятно скрипела на зубах. Он прижимал бумаги тяжелым камнем, чтобы сквозняк из слухового окна крыши, не унес их, и механически перебирал листы.

Чердак был его убежищем. Внизу, в палатах, было слишком шумно. Кто-то бился в истерике, кто-то смеялся без причины, кто-то разговаривал с пустотой как с лучшим другом. Ной старался не слушать. Он просто устал. Здесь, наверху, было тихо, и за это право сидеть в этом старом архиве он держался как за спасательный круг. Внизу едко пахло лекарствами и дезинфицирующим средством. А у Ноя были только бумаги и сквозняк. Ему и этого было достаточно.

Здесь находился Архив — старый, забытый. Бумаги свозили сюда десятилетиями. Когда-то давно, до Стены, это была обычная больничная канцелярия. Теперь — свалка неотправленных писем. Кто-то должен был их разбирать. Ною разрешали работать здесь в обмен на тишину и старую раскладушку в углу. Это было лучше, чем ничего.

Коробка стояла под навесом. Серая, пыльная, как всё остальное. На боку — штамп: «К уничтожению». Ной знал, что в ней десятки папок. Сотни писем. Все — нераспечатанные, с пятнами от чашки. Он знал кто пил этот чай, узнал почерк на полях. Это был его отец...

Отец не просто хранил эти письма в кабинете. Он читал их, а после ставил штамп и отправлял в коробку. Ной не говорил об этом никому. Просто не хотел думать о том, что человек, который учил его держать ложку, оказался тем, кто подписывал приговоры . Он просто устал. Как и все здесь.

Сегодня Ной нашёл папку. Тонкую, серую, с коричневым пятном от чашки на углу. Она стояла в углу полки чуть криво. он неторопливо ее открыл. Внутри - пять или шесть конвертов, смутно знакомых, но стертых из памяти. На верхнем - две строчки, написанные от руки, мелко и неровно, словно автор письма спешил и боялся не успеть

«Мне очень тяжело. Я не хочу умирать, но и жить так не могу».

Ной прочитал. Потом ещё раз. Потом закрыл папку. Положил на стол. Прижал камнем.

Он знал эти письма. Видел такие раньше. В двенадцать лет. В кабинете отца. Тогда он спросил: «Почему мы им не отвечаем?» Отец сказал: «Так надо». Ной не понял. Теперь понимал. Но легче не стало.

Он встал. Открыл коробку «К уничтожению». Хотел поставить папку туда, как делал это сотни раз. Но рука замерла. На дне коробки, под старыми бумагами, лежал документ. Свежий. Белый. С чёткими полями. Он пах типографской краской.

Ной вытащил его.

«Плановая санация Застенья. Сроки. Ответственные. Форма отчётности».

Ни слова о людях. Ни слова о том, что будет с теми, кто там живёт. Просто — «санация». Как будто речь шла о подвале. И дата. Всего через три недели.

Ной смотрел на документ. Потом на папку с письмами. В одном из этих конвертов был почерк, который он знал. Почерк старого соседа, который однажды просто исчез. Отец сказал, что он «уехал».

Ной положил документ обратно в коробку. Закрыл её.

В голове тут же зашумело. «А если ты ошибаешься? А если это старые бумаги? А если сосед действительно уехал? А если ты сунешься к Стене, и тебя поймают? И что ты им скажешь? Что ты нашёл бумажку?»

Он сел обратно на стул. Прижал ладони к лицу. Он знал, что должен что-то сделать. Но что именно? Отнести документ кому-то? Кому? Внизу только врачи, которые пичкают таблетками. Отцу? Отец сам ставил штампы.

Ной встал. Сделал шаг к лестнице. И остановился.

«Это глупо. Ты не сможешь пройти через дверь. Ты даже не знаешь, как она открывается. Ты ничего не знаешь».

Он вернулся к столу. Снова сел. Прошло десять минут. Может, час. Свет в окне начал тускнеть.

Ной смотрел на папку с письмами. На пятно от чашки. На свои руки, которые слегка дрожали.

«Ты просто трус. Ты всегда был трусом. Поэтому тебя и сослали сюда. Потому что ты не можешь принять ни одного решения».

Он резко встал. Схватил папку. Сунул под мышку. И почти побежал вниз по лестнице, пока внутренний голос не успел придумать новый аргумент.

Внизу пахло лекарствами. Он не остановился. Вышел через заднюю дверь.

До Стены было десять минут пешком. Он шёл быстро. Слишком быстро. Как будто если он остановится, то передумает. А он не мог передумать. Иначе он бы просто вернулся на чердак и сидел там до самой Санации.

У самой двери его накрыло снова. Он стоял и смотрел на ржавый замок.

«А если за ней ничего нет? Если там просто пустота? Или армия? Или...»

— Ты идиот, — сказал кто-то справа

Ной дёрнулся. Сердце ушло в пятки. Он обернулся.

У стены, на корточках, сидел парень. Шире в плечах, в куртке с потёртыми локтями. Волосы короткие, тёмные, с рыжиной. Смотрел прямо.

— Ты меня видишь? — спросил Ной, не найдя ничего умнее.

— Вижу, — сказал парень. — Ты уже пять минут стоишь и смотришь на эту дверь. Как будто ждёшь, что она тебе сама откроется.

Он поднялся. Не спеша. Посмотрел на папку. Потом на дверь.

— Тебя поймают.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

Ной посмотрел на дверь. Внутри снова зашевелилось сомнение. «А действительно, зачем? Может, послушать его и уйти?»

— Она заперта? — спросил он вместо ответа.

Парень молчал. Потом сказал:

— Все так думают.

— А ты проверял?

— Я тут каждый день сижу, — сказал парень. — Смотрю на неё. Думаю, что когда-нибудь кто-то придёт и откроет.

Ной протянул руку. Но не толкнул дверь. Просто положил ладонь на холодное железо.

«А если не получится? А если он смеётся надо мной?»

— Ну? — сказал парень. — Или ты так и будешь стоять?

И вот это «ну» почему-то сработало. Как будто кто-то выключил шум в голове. Ной надавил.

Дверь открылась. Замок был сломан давно.

— Вот, — сказал Ной. — Она не заперта.

Парень смотрел на открытую дверь. Долго. Потом сказал:

— Я знаю. Я её сломал.

Ной обернулся. Парень стоял и смотрел на него. Руки в карманах. Кулаки сжаты. Не от злости. Просто привычка.

— Ты кто? — спросил Ной.

Парень посмотрел на него, как на идиота.

— Гнев, — сказал он.

Ной моргнул.

— Это имя или диагноз?

— А ты как думаешь? — Парень усмехнулся, но глаза остались колючими. — А тебя как зовут? Сомнение?

— Да.

— Ну хоть не Радость. — Он сплюнул на землю. — А то я бы тебя сразу к Стене приложил.

Ной не нашёлся, что ответить. Он просто стоял и смотрел на этого парня, который только что пошутил про то, что его, возможно, стоило бы убить. И почему-то от этой шутки стало не так страшно.

— Хорошо. — Гнев шагнул к двери. — Тогда я подожду. У двери.

Он встал рядом. Не загородил. Не оттолкнул. Просто встал. Плечом к плечу. Ной посмотрел на него. Потом на дверь. Потом снова на него.

— Ты не уйдёшь? — спросил Ной.

— Уйду, — сказал Гнев. — Когда ты вернёшься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.